

нием. Тогда-то, в частности, и были составлены отдельные справки по мемориальным сооружениям.

Вот информация, подготовленная историком градостроительства Одессы, киевлянином В.И. Тимофеенко в 1985 году по дому на Приморском бульваре, № 3.

"Строение в семь оконных осей, как и соседние дома, занимает удлиненный прямоугольный участок, который по коротким сторонам застроен жилыми корпусами, а по длинным — флигелями. Бывший особняк Марини — характерный пример стиля ампир. Возведен из камня-ракушечника.

Планировка помещений основного двухэтажного корпуса — анфиладная, с парадными залами со стороны бульвара. Комнаты, обращенные окнами во двор, имеют выходы на деревянную галерею, к которой примыкают дворовые флигеля.

Главный фасад отличается сдержанностью и в то же время отточенностью ордерных форм. Стены первого этажа прочерчены горизонтальными линиями дощатого руста, наличники прямоугольных окон и входной двери оригинально пересечены рустами. Над крыльцом — металлический навес, опирающийся на кронштейн. Центральная ось подчеркнута балконом с узорными металлическими ограждениями. Парадный характер помещений второго этажа выявлен более нарядной архитектурой. Простенки здесь оформлены пилястрами коринфского ордера, окна — строгими наличниками на подоконных филенках. Между проемами и венчающим антаблементом — небольшие лепные панно.

Со строгостью фасада контрастирует богатое убранство интерьеров. На одной оси расположены вестибюль, шлюз и лестничная клетка. Стены вестибюля украшены пилястрами и фризом, а потолок — розеткой. Отсюда двери ведут в шлюз, трехмаршевая мраморная лестница пышно оформлена. Цокольная часть стены рустована, верхний ярус обработан ордерными формами с зеркалом, потолок — касетирован.

Своей четкой фронтальной композицией, размерами этажей и количеством проемов здание идентично домам №№ 2 и 4 на Приморском бульваре и гармонично вписывается в общий градостроительный ансамбль".

Резюмируя изложенное, можно утверждать, что "наш дом" — один из самых значимых памятников истории градостроительства Одессы и одновременно — выдающееся мемориальное место по насыщенности выдающихся персоналий. Пора бы повторить подвиг В.М. Кабиольского по воссозданию дома Марини, ведь со времени той реконструкции прошло уже более ста лет.

17 мемуаров о войне

Мемуар № 1

Начало службы в запасном полку

В декабре 1942 г. я прибыл в г. Пугачев Саратовской области в 72 запасной стрелковый полк с новобранцами из Туркмении, куда я был эвакуирован с матерью из осажденной Одессы. Разместили нас по 100-150 человек в землянках, т. е. по ротам.

Вечером приказали всем раздеться догола и сдать все вещи, кроме одеяла, на дезинфекцию. Эта дезинфекция продолжалась очень долго, так что к тому времени, когда ночью привезли вещи, я спал глубоким сном, завернувшись в одеяло. Когда меня разбудили, я нашел в остатках неразобранных вещей все мое, кроме брюк. Видимо, кто-то из моих боевых друзей-туркмен (я был единственный европеец в этой роте) поддел их под свои брюки для утепления, так как мороз стоял крепкий, а землянка практически не отапливалась. Из начальства ночью был только ротный писарь, к которому я и обратился со своей бедой. Он сказал, что утром придет командир роты, которому и следует доложить о краже брюк, что я и сделал. Командир роты громко и доходчиво разъяснил мне, что запасных штанов для разгильдяев из числа новоявленных доблестных защитников родины у него нет, и пока роту обмундируют, мне придется обходиться подручными средствами с использованием солдатской смекалки. К этому он добавил, что если у меня возникнут проблемы, связанные с отсутствием туалетной бумаги в солдатском отхожем месте, то к нему лучше не обращаться, т. к. он недавно из госпиталя после контузии и за себя не отвечает.

Моей смекалки хватило на то, что я обмотал одеяло вокруг бедер на манер шотландской юбочки. Без штанов я чувствовал себя довольно некомфортно, но сумел извлечь из этого некоторую пользу. Утром, когда роту поднимали на зарядку (пробежать несколько километров по морозу), я продолжал спать, т. к. какая может быть зарядка без штанов?

Кажется, никто в роте не ждал с таким нетерпением, как я, когда же нас обмундируют. А ждать пришлось 7 суток, т. к. в моем эшелоне призывников, прибывших из Туркмении, было 2 случая заболевания сыпным

тифом. Поэтому нас каждую ночь гоняли в баню с дезинфекцией и проверкой по форме 20 (на вшивость) и если находили хоть одну вошь, то процедура повторялась на следующий день.

Когда же наконец была уничтожена последняя вошь и нас обмундировали, я почувствовал себя счастливым человеком.

Так начиналась моя служба в Вооруженных силах СССР.

Мемуар № 2 Конец службы в запасном полку

Моя служба в запасном полку в г. Пугачеве проходила довольно успешно. Среди сослуживцев туркменов и узбеков я выделялся своим высоким интеллектом, т. к. в отличие от них свободно владел русским языком и имел 9 классов образования. Через некоторое время я стал комсоргом роты и зам. политрука. Командование относилось ко мне хорошо и прятало от отправки на фронт. Я же служил по принципу, который внушил старик Гринёв сыну Петруше перед отправкой в Белозерскую крепость: "На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся. Слушайся начальников". Служба в запасном полку в тылу имела то преимущество, что там не угрожает смертельная опасность, но мучит постоянное чувство голода. На фронте, по слухам, кормили хорошо, но угрожала смертельная опасность. Выбор был трудный, да и не очень зависел от меня, поэтому я плыл по течению и просто добросовестно исполнял свои обязанности. В один из дней весной 1943 года политрук роты сказал мне, что ночью должны привезти дерн для украшения землянки снаружи, и мы с ним должны руководить этой работой. После отбоя дерн долго не везли, и он, видя, что я с трудом справляюсь с дремотой, предложил мне поспать и сказал, что разбудит, когда дерн привезут.

Утром, когда горнист сыграл зорю, я почувствовал, что меня кто-то будит. Я думал, что это политрук, но оказалось, что это посыльный из штаба батальона, который сказал, что мне немедленно надо явиться к комиссару батальона. Комиссар, с которым у меня были хорошие отношения, встретил меня как врага. Он кричал, что ко мне так хорошо относились, а я позволил себе такое безобразие и, чтобы избежать сурового наказания, я должен извиниться перед политруком, перед строем роты. Я сказал, что не буду извиняться, т. к. никакой вины за собой не чувствую. Он предложил подумать полчаса и явиться к нему. Я вернулся в рогную землянку. К тому времени сыграли подъем, рота собиралась на зарядку и, когда ме-

ня увидели, то встретили как выдающуюся личность. Оказалось, что ночью привезли дерн, политрук долго меня будил и когда наконец растолкал, я, будучи в сонном состоянии и не понимая, что происходит, громко, так, что слышала вся рота, выложил в его адрес весь запас ненормативной лексики, который накопился в моем мозгу с детских лет, прошедших на Молдаванке в г. Одессе. Комиссару я сказал, что вину свою признаю, но извиняться не буду, т. к. не хотел оскорблять политрука, а сделал это в бессознательном состоянии. В этот же день меня отправили на фронт в наказание, как хулигана и матершинника. Так закончилась моя служба в тылу в запасном полку.

Мемуар № 3 Сон на марше

Летом 1943 года 46 армия, в которой я служил командиром минометного расчета 82-мм минометов в звании сержанта, находилась в резерве Верховного Главнокомандования и каждую ночь совершала марш-броски на расстояние 20-30 км вдоль линии фронта для дезориентации противника, с тем чтобы внезапно в нужный момент и в нужном месте ввести нас в бой.

Мы передвигались пешком с полной выкладкой, т. е. вещмешок, скатка шинели, винтовка и запас патронов. Миномет в разобранном виде, т. е. ствол, лафет, опорную плиту и лотки с минами тоже тащили на себе на специальных выюках. Это было тяжело физически. Иногда нас обгоняли штабные автобусы, и солдаты, глядя на сидящих в них штабных работников, в том числе и женщин в аккуратно и хорошо подогнанных мундирах, ворчали:

— Хорошо им, штабным, кататься в автобусе с бабами. В строй бы их, пусть пошагают как мы, да потаскают то, что на нас навьючено.

Как-то солдат, шедший недалеко от меня, громко, так что услышали все, сказал одному ворчуну:

— А ты, умник, пробовал воевать без штаба? Я этого нахлебался в 41 году при отступлении, и не дай бог, чтоб повторилось. Без штаба пропадешь, так что пусть уж ездят, но дело свое штабное делают.

Это прозвучало очень весело, такие разговоры прекратились и больше не возобновлялись. Для меня же во время этих ночных маршей тяжелее, чем физическая нагрузка, была борьба со сном. Я засыпал на ходу во время движения, несколько раз терял направление движения и сваливался в придорожный кювет. Чтобы предотвратить это, я, когда чувствовал, что

наступает критический момент, просил двух солдат из моего расчета двигаться справа и слева от меня и страховать меня от потери направления легкими прикосновениями. Так продолжалось минут тридцать, в течение которых я отключался и дремал на ходу, двигаясь в колонне с полной выкладкой. После этого сознание возвращалось, и я мог двигаться без подстраховки, не теряя направления движения.

Мемуар № 4

Трофеи из Тарановки

Освобождение от немецких оккупантов крупного населенного пункта Тарановки в Харьковской области было моим боевым крещением. Немцы отбили несколько наших атак, сами переходили в контратаки, но в конце концов были выбиты из Тарановки. За этот бой я был награжден орденом Отечественной войны второй степени, но Тарановка мне запомнилась не только по этой причине.

Когда в прифронтовой полосе шла напряженная боевая учеба по подготовке к предстоящим боям, то самым тяжелым было вырыть в земле в нормативные сроки окоп для миномета в виде круглого котлована глубиной примерно полтора метра и ячейки для укрытия расчета. Трудность заключалась в том, что на минометный расчет по штату полагалась всего одна штыковая лопата, и мы рыли ею землю поочередно. В это время остальные бойцы расчета рыли землю маленькими саперными лопатками, которые были у каждого, но рыть ими было неудобно и непродуктивно. Мне как командиру лучшего расчета было обидно, если мой расчет отставал от других при окапывании, поэтому перед первым боем я поставил расчету задачу: когда ворвемся в Тарановку, искать по уцелевшим избам трофеи, причем наши трофеи — это штыковые лопаты. Задание было выполнено, и после освобождения Тарановки у каждого бойца моего расчета была штыковая лопата. Окапываться стало удобнее, зато передвигаться на марше стало менее удобно, т. к. кроме штатной амуниции приходилось тащить на себе еще и эти нештатные лопаты. Через некоторое время часть трофейных лопат пришлось выбросить.

Если мне когда-нибудь случится быть в Тарановке, то придется покаяться перед теми, кто пострадал от моего "мародерства". Я готов даже возместить причиненный материальный ущерб, несмотря на истечение срока исковой давности, если пострадавшие докажут, что именно бойцы моего расчета реквизируют их лопаты.

Мемуар № 5

Повышение в должности

Несколько суток подряд наша минометная батарея, где я был командиром расчета в звании сержанта, меняла огневые позиции. Происходило это скрытно, ночью. Нужно было перетащить минометы, вырыть в земле укрытие для миномета и ячейки для расчета. На это уходила вся ночь, а днем — бой. Мы страшно замотались. Пропало чувство страха, т. к. думали только о том, как бы поспать хоть немного. Наконец вечером командир батареи сказал, что этой ночью не будем менять огневые позиции и можно спать, выставив часовых в каждом расчете. Все облегченно вздохнули. Только я начал засыпать, как прибежал ординарец командира батареи и позвал меня к командиру. Капитан сказал, что мне немедленно надо прибыть на командный пункт батальона к замполиту, а командование расчетом передать наводчику. Я был страшно огорчен, потому что понял, что и эта ночь испорчена.

Замполит батальона сказал мне, что я назначен комсоргом батальона, и есть приказ о назначении меня на эту должность. Но поскольку это штатная офицерская должность, то на меня отправлено представление на присвоение звания "младший лейтенант", а пока я буду служить в этой должности в звании сержанта. Это будет недолго, поскольку звание мне будет присвоено приказом командующего армией, которому дано такое право в боевой остановке в отношении отличившихся в боях сержантов, занимающих офицерские должности и справляющихся с обязанностями.

В эту ночь мне удалось поспать 2-3 часа. На рассвете началась какая-то суета, и я увидел, что многие из находившихся на командном пункте потянулись с котелками к подъехавшей полевой кухне за завтраком. Я со своим котелком тоже пошел туда. Но когда повар выяснил, какое отношение к командному пункту (КП) я имею, он сказал, что я питаюсь у другого повара, который скоро прибудет. Через некоторое время на КП прибежали 2 человека с большими заплечными термосами, один из которых подошел ко мне и пригласил завтракать. Когда он увидел, что я достаю из вещмешка котелок, буханку хлеба и ложку, он сказал, что ничего этого не нужно, мне все дадут. И действительно, дали, но не в котелке, а в тарелке, и не кашу, а жареную картошку с котлетами, горячие пирожки. В общем, то, что я забыл не только на вкус, но и на вид. Так в батальоне питалось 6 человек, в том числе и я. Мне показалось это не очень справедливым, но высказывать свое мнение я не стал.

Через пару дней стало известно, что мой бывший минометный расчет погиб в полном составе. Когда я прибежал на место их гибели, трупы успели зарыть. Оказалось, что во время стрельбы заряжающий заслал в ствол мину, не заметив в горячке боя, что предыдущая мина находится в стволе, т. е. произошла осечка. Командир расчета тоже этого не заметил. В таком случае надо извлечь мину, которая дала осечку, после чего можно продолжать стрельбу. Но делать это надо осторожно, чтобы мина не взорвалась. Поскольку это не было сделано, то вторая мина ударилась своим капсюлем о взрыватель предыдущей мины, и взрыв мины произошел внутри ствола. Ствол разорвало на секторы, которые закрутились спиральями, как лепестки цветка. Осколки насмерть поразили весь расчет.

Я иногда спрашиваю себя, сумел ли бы я предотвратить то, что произошло, если бы оставался командиром расчета, или все произошло бы так, как случилось, и я бы погиб вместе со всем расчетом? Не знаю. Судьба.

Мемуар № 6 **Тир рядом с передовой**

Как-то в промежутке между боями ко мне на командный пункт батальона пришел мой товарищ и непосредственный начальник, комсорг полка лейтенант Степа Богомолов. Посидели, поговорили о делах и заскучали. Тогда он предложил отойти в сторону и поупражняться в стрельбе. Я охотно согласился. У нас было личное штатное оружие — пистолеты ТТ. С боеприпасами никаких ограничений, т. к. патроны к ТТ и автоматам ППШ (к тому времени основное стрелковое оружие) были унифицированы и всегда были в достатке. Мы набрали полные карманы патронов, но этого нам показалось мало, и мы взяли с собой еще трофейный немецкий автомат и к нему несколько рожков с патронами. Этого добра тоже было полно.

Отошли от КП на несколько сот метров, нашли балочку, на склонах которой росли тыквы, установили на склоне ряд тыкв в качестве мишеней и начали стрельбу. Один из нас поражал свои тыквы из пистолета, а другой в это время крушил свои тыквы из автомата. Автоматом мы пользовались по очереди, поскольку он был один на двоих. Тащить второй было лень.

Через некоторое время мы услышали: "Хенде хох, мать-перемать!". Взглянув вверх, увидели нескольких наших автоматчиков. Командовавший ими сержант, разглядев и узнав нас, извинился за непарламентские выражения и сказал, что ему приказано доставить нас желательно живы-

ми на КП батальона. По дороге он объяснил, что по звукам наших выстрелов на КП решили, что идет перестрелка между нашим офицером, вооруженным ТТ, и немецким автоматчиком. При этом на стороне врага явное огневое преимущество. На выручку нашему офицеру отправили группу автоматчиков, которой приказано по обстоятельствам уничтожить или взять в плен немца и доставить на КП нашего офицера. Слава богу, что командовал группой опытный сержант, который не стал открывать стрельбу на звук выстрелов немецкого автомата, а сначала посмотрел. Если бы он этого не сделал, то тот из нас, кто в это время стрелял из немецкого автомата, был бы наверняка убит. И это было бы справедливо, потому что мы были неправы.

Не понимаю, как мы, два обстрелянных фронтовика, которые по звуку выстрела безошибочно могли определить, из какого оружия и с какого расстояния звучат выстрелы, не сообразили, что наши упражнения в стрельбе на слух воспринимаются как перестрелка нашего офицера с немецким автоматчиком?

Вина наша усугублялась еще и тем, что мы, отправляясь в наш "тир", никого об этом не предупредили.

Здорово мне попало от замполита батальона. Богомолова он отчитывать не мог, потому что тот был ему не подчинен, но настоял на том, чтоб Степа присутствовал при отчитывании меня, давая этим ему понять, что все, что говорится мне, относится и к нему, даже в большей степени, поскольку он инициатор стрельбы и старший по званию, должности и возрасту. Мне было тогда 19 лет, а Степе — 20.

Со мной был еще один случай, когда я напрочь забыл то, с чем ежедневно и постоянно сталкивался, но об этом в мемуаре № 7.

Мемуар № 7 **Бой под Криничками**

Немцы почему-то изо всех сил держали оборону у населенного пункта Кринички Днепропетровской области. Это был самый жестокий и кровавый бой из тех, в которых мне пришлось участвовать. Наши самоходные пушки двигались в боевых порядках пехоты. Две реактивные установки "катюши" выехали на открытую позицию и дали по немцам залп, а это было секретное оружие, которое действовало только с закрытых замаскированных позиций, и после залпа бросало позицию и скрывалось в другом месте. Потери у нас были огромные. Когда мы, наконец, ворва-

лись в расположение немцев, то обнаружили там брошенное оружие, много трупов и среди них живого раненого солдата с оторванной ногой, который не мог двигаться, лежал и испуганно глядел по сторонам. Он был молод, и меня поразило его очень румяное лицо. Наши солдаты готовы были его прикончить, но я удержал их от этого, подозвал санинструктора, велел перевязать раненого и отправить в тыл.

Постепенно шум утих, дым рассеялся, и наступила тишина. Причем такая пронзительная, а воздух стал таким чистым, что я опустил на землю, лег и закрыл глаза. Окружающие меня солдаты тоже кто лег, кто сел, кто закурил. И в этой благодати я вдруг почувствовал какой-то резкий и неприятный запах. Я спросил у солдата, который сидел недалеко, что это за запах. Он удивленно посмотрел на меня и сказал: "Товарищ комсорг, это же запах пороха". Подул ветерок и принес откуда-то этот запах.

Всего несколько минут назад вокруг ничего, кроме этого запаха не было, все было пропитано им, а я его не узнал.

Интересно, какова судьба этого раненого немца? Обстановка не благоприятствовала знакомству, поэтому я не взял у него адрес. Любопытно, как бы он отреагировал, если б узнал, что от смерти его спас политработник Красной Армии, и к тому же еще еврей? Если бы я попал в руки немцев, то был бы немедленно расстрелян, так как у них был приказ не брать в плен, а расстреливать комиссаров и евреев. Я обладал обоими этими признаками, поэтому мне полагалось два расстрела, но, к счастью, судьба уберегла меня от использования этой привилегии.

Мемуар № 8 Гибель Богомолова

В политдонесении 353-ей дивизии политотделу 46-й армии 3-го Украинского фронта имеются такие строчки: "Находясь в наступающем подразделении, комсорг 1-го стрелкового батальона сержант Качур своим личным примером воодушевил бойцов на боевые подвиги, поднял их в атаку и стремительно ворвался на окраину крупного населенного пункта". Здесь имеется одно умолчание и одна неточность. Умолчание состоит в том, что не указана причина, по которой возникла необходимость поднимать роту в атаку не приказом командира, а личным примером политработника. Неточность в том, что я сделал это не один, а вместе со своим другом, комсоргом полка лейтенантом Богомоловым, убитым в этой атаке. Хочется уточнить эти моменты и восстановить истинную картину.

План наступательной операции был следующий. Перед атакой пехоты батальонная и полковая артиллерия обрабатывают передний край обороны немцев, затем артогонь переносится в глубину их обороны и усиливается дивизионной артиллерией. В этот момент следует атаковать немцев, прорвать их линию обороны и ворваться на окраину населенного пункта, находящегося примерно в 500 метрах от линии обороны немцев. Когда пехота начнет преодолевать это расстояние, артогонь прекратится, а по населенному пункту будет дан залп "катюши". В общем, расписано все, как у Толстого: "Эрсте колонне марширт, цвайте колонне марширт...". На деле же все оказалось тоже, как у Толстого, т. е. полная неразбериха.

В этом бою я принимал участие в составе стрелковой роты, командиром которой накануне назначили капитана Попова. Вместе со мной на КП роты был и комсорг полка лейтенант Богомолов. После того как артиллерия довольно слабо обработала передний край обороны противника, мы, как было запланировано, стали ждать переноса огня артиллерии в глубину вражеской обороны, но вместо этого артогонь прекратился и наступила тишина. Через несколько минут раздался залп "катюши", и населенный пункт запылал. Мы молча переглядывались, ничего не понимая. В этот момент комбат по телефону приказал Попову атаковать. Атака сразу же захлебнулась, т. к. атакующих встретил шквальный огонь, и они залегли. Комбат опять приказал атаковать, обещая Попову за невыполнение приказа трибунал или расстрел на месте, нелестно при этом отзываясь о его матери. Мы понимали, что под огнем командами не поднять солдат в атаку, но приказ надо было выполнять. Попов побледнел и не знал, что делать. Тогда мы с Богомоловым переглянулись и поняли друг друга без слов. Он побежал на правый фланг роты, а я — на левый. На ватных ногах бежал я к переднему краю, не зная четко, что буду там делать. Перепрыгнув через окоп, я под обстрелом бежал в сторону немцев и умолял себя не оглядываться назад, чтоб солдаты не восприняли это, как неуверенность в себе. Через секунды я спиной почувствовал движение за собой, раздалось слабое, затем более сильное "ура", и я понял, что рота бежит за мной. Написав "ура", я допустил неточность. Несколько раз я ходил в атаки, но никогда не слышал криков "ура", а слышал крик "а-а-а...", и это был не победный клич, а крик ужаса людей, бегущих навстречу смерти.

Когда я пришел на КП роты, туда уже сообщили, что на правом фланге убит лейтенант, который поднимал в атаку. Прибежав туда, я увидел, что Богомолову снесло полчерепа осколком. На КП батальона я застал замполита полка, доложил ему подробности гибели Богомолова и отдал

его документы. На фронте смерть не чрезвычайное событие, но эта очень тяжело на меня подействовала. Видя мое состояние, замполит предложил мне поужинать и отдохнуть, пока тихо. От ужина я отказался и ушел в угол хаты. Заснуть не мог. Ко мне подошел порученец замполита полка и поставил передо мной полведра меда и тарелку с крупными ломтями белого хлеба. Хлеб был крестьянский и еще теплый, а мед свежий и очень душистый. В нем плавали соты и ползали пчелы. Я попробовал его, и он показался мне очень вкусным. Тогда я начал макать в него хлеб и есть. Иногда я вспоминал, что сегодня убили моего друга, а я ем, и мне становилось стыдно, но я продолжал есть. Я люблю мед и ем его каждый день, но такого вкусного меда, как тогда, в 1943 году, мне больше не попадалось.

На следующий день я был назначен комсоргом полка на образовавшуюся вакансию.

Мемуар № 9 Купание с приключениями

После не очень тяжелого боя с небольшими потерями мы освободили деревню на правом берегу Днепра. Я участвовал в этом бою в составе стрелковой роты капитана Попова. После освобождения деревни поступил приказ приостановить наступление и отдыхать предположительно до утра. Я решил не идти на КП батальона, а остаться ночевать в роте у Попова. Он был у нас в батальоне недавно, но у меня с ним сложились очень хорошие отношения после того как я спас его от крупных неприятностей через день после его назначения командиром роты нашего батальона.

Только мы с ним собрались лечь спать, как в хату, где мы находились, вбежала молодая красивая женщина (как оказалось, хозяйка хаты) и запричитала, что мы такие голодные и утомленные, и она нам сейчас приготовит поесть. Мы сказали, что уже поели и хотим поспать. Тогда она предложила согреть воды, чтоб мы искупались. От этого мы не смогли отказаться, так как давно мечтали о купании.

Через минут 20 она опять появилась и сказала, что можно купаться, но у нее только одно корыто, и нам с Поповым придется купаться по очереди. Встал вопрос, кому идти первым. Я говорил, что это право Попова, поскольку это его территория, и он здесь главный воинский начальник, а Попов шутливо говорил, что первым должен идти я как представитель вышестоящего штаба. После непродолжительного спора я с удовольствием согласился купаться первым, и хозяйка повела меня через сени во

вторую комнату, посреди которой на полу стояло корыто с теплой водой, и лежал кусок мыла. Я остановился у корыта в нерешительности, а хозяйка сказала, что потрет мне спину, но если я стесняюсь при ней раздеваться, то она выйдет. Я сказал, что сделаю все без ее помощи, и она вышла. Видимо, в этом разговоре была какая-то двусмысленность, и каждый понял его по-своему.

Я быстро разделся, сложил обмундирование справа от корыта, сверху пистолет в расстегнутой кобуре (немцы все же рядом), быстро намылился и лег в корыто. Когда я смыл с себя мыльную пену, вода стала настолько черной, что я не видел в ней контуров своего тела. "Надо вылезать из этого болота", — была первая мысль. Но тут же пришла вторая мысль: "Раз я уже лежу в этом теплом болоте, то полежу еще пару минут". С этой мыслью я задремал и очнулся оттого, что скрипнула дверь, и в дверном проеме я в полудреме увидел какой-то силуэт.

Дальнейшее происходило в автоматическом режиме. Я схватил пистолет и передернул затвор. В этот момент со стороны двери раздался истошный женский крик: "Ой, нэ вбывайтэ, рятуйтэ!". Я вмиг пришел в себя и увидел в дверях перепуганную хозяйку. На ее крик прибежали Попов, его ординарец, связисты и другие, кто находился около командира роты. Они застали интересную картину: посреди комнаты с пистолетом в руке стоит голый комсорг батальона, а в дверях бьется в истерику молодая красивая женщина.

Утром я пошел на КП батальона. Меня провожал ординарец Попова, поскольку в одиночку ходить не разрешалось. Он мне сказал: "А знаете, что о нас говорит местное население?". И рассказал, что женщины этого села перед освобождением от немцев договорились ни в чем не отказывать своим освободителям. Поскольку мы были сильно измучены и ни о чем, кроме сна и еды не мечтали, они решили сами проявлять активность, и вот к чему это привело. А могло быть хуже. Хорошо, что я никогда не ставил пистолет на предохранитель, т. к. не доверял ему и боялся случайного выстрела. Если бы пистолет был на предохранителе, мне не пришлось бы передергивать затвор и я бы выстрелил в направлении двери до того, как раздался крик хозяйки. На таком близком расстоянии я бы попал в нее не целясь.

Мемуар № 10 Нарушение формы одежды

На фронтовой фотографии я запечатлен в кубанке вместо пилотки, а вместо форменного поясного ремня гимнастерка подпоясана флотским ремнем с якорем на пряжке. Это нарушение формы одежды имело место не потому что я возымел желание придать себе бравый вид, а в силу сложившихся обстоятельств, не по моей инициативе.

А случилось это так. Во время короткого ночного отдыха внезапно была объявлена тревога. В темноте я не смог быстро разыскать свою пилотку, которая во сне свалилась у меня с головы, а зажечь огонь было нельзя, чтобы не нарушать светомаскировку. Времени на обстоятельные поиски пилотки в темноте не было, поэтому пришлось до утра воевать с непокрытой головой, а затем позаботиться о головном уборе, т. к. без него нельзя приветствовать старших по званию и самому отвечать на приветствия, поскольку к пустой голове, как известно, руку не прикладывают. Из-за того что вещевые склады сильно отстали от передовых частей, ребята нашли в какой-то пустующей избе эту кубанку и предложили ее мне. Она пришлась мне впору, привыкла к моей голове, и мне не хотелось с ней расставаться. После ранения пришлось в госпитале распрощаться с ней, как и со всем обмундированием.

Флотский ремень у меня появился после того как во фронтовой газете была опубликована статья "Михаил Качур, одессит", где проводилась параллель между мной и героем известной песенки "Одессит Мишка". Ремень подарила мне санинструктор нашего батальона, которая до прибытия к нам служила в морской пехоте и хранила ремень как память об этом. Я не мог отказаться от такого подарка, но носил этот ремень недолго, т. к. он был из сравнительно тонкой кожи и скручивался под тяжестью пистолета, который на нем висел.

1943 г. 3-й Украинский фронт.
Сержант-минометчик Михаил Качур

Пришлось заменить его ремнем из более толстой кожи и без всякой атрибутики на пряжке, который кто-то из моих комсомольцев снял с убитого немецкого офицера и отдал мне. Этот ремень я пронес через фронт и все госпитали и храню до сих пор за стеклом на книжной полке. Когда мой внук Никита был маленьким, я говорил ему, что специально привез этот ремень с фронта, чтобы пороть внука, если он будет плохо себя вести. Сейчас Никите уже 24 года, и он ни разу за все эти годы не дал повода выполнить ту угрозу. Такой хороший результат, конечно, не исключительно заслуга моего ремня. Но все же хочется думать, что не зря я привез и храню его.

Иногда, правда, бывают моменты, когда ремень меня огорчает. Если я снимаю его с полки и надеваю, то приходится застегивать его на последнее отверстие, в то время как в прошлом он застегивался на мне на первое отверстие. Поневоле вспоминаются слова шутиливой песенки:

Неужели, неужели, неужели
Наши годы, словно птицы улетели?
И наши талии, как дым, растаяли,
Оставив нам противное брюшко.

Мемуар № 11 Первое ранение

29 октября 1943 года в газете "Красноармейская правда" была опубликована статья "Михаил Качур". Там имеются такие строчки:

"В другой раз в бою был тяжело ранен командир роты. На время нарушилось управление взводами. Тогда Михаил Качур крикнул:

— Слушайте мою команду. Все по местам.

Приняв на себя командование ротой, товарищ Качур спокойно оценил обстановку. Расположил бойцов для обороны..."

После выписки из госпиталя я получил письмо с фронта, где мне сообщили, что в этой же газете в июне 1944 года была опубликована статья "Книга комсомольской славы". Там этот эпизод изложен по-другому, а именно: "Кучур Михаил. Сын героической Одессы. Заменял выбывшего командира и повел подразделение на штурм вражеских укреплений".

Итак, по прошествии семи месяцев, когда в дивизии из-за больших потерь сменился почти весь личный состав, оборона усилиями журналиста превратилась в героический штурм.

По прошествии 60-ти лет многие события того времени стерлись из

памяти. Многое помнится смутно. Но этот эпизод запомнился хорошо. Все происходило не так театрально и пафосно.

Рассказываю, как было. Нашему батальону была поставлена задача атаковать на рассвете оборону немцев и выбить их с занимаемых позиций. В этом бою я принимал участие в составе стрелковой роты. Когда мы пошли в атаку, нас встретил шквальный огонь. Рота понесла большие потери и атака захлебнулась. Не было связи с командирами взводов, прервалась телефонная связь и командованием батальона. В этот момент командир роты крикнул мне, что уходит в тыл, в санчасть, т. к. он ранен в ногу и согласно приказу должен покинуть поле боя. Действительно, был приказ о том, что при ранении необходимо покинуть поле боя и отправиться в санчасть, независимо от тяжести ранения. На мой вопрос, кто будет командовать ротой, он ответил, что не знает, кто из командиров взводов остался в строю. Я понял, что вся ответственность за то, что произойдет дальше в роте, ложится на меня, комсорга батальона. Положение было критическим. Нужно было немедленно выяснить обстановку на переднем крае и дать какие-то команды, т. к. солдаты, которыми никто не командует, могут под огнем противника запаниковать и отойти назад без приказа, а это — трибунал.

Я приказал связистам восстановить связь с КП батальона, а сам побежал на передний край. На бегу почувствовал тупой удар слева в грудь в области сердца. Гимнастерка начала намочать, и я решил, что убит. Из художественной литературы я знал, что в этот момент мутится сознание и перед глазами встают картины прошлого. Этого не происходило, поэтому я добежал до переднего края, пробежал вдоль цепи солдат, которые залегли, и передал по цепи приказание окопаться, занять оборону и приготовиться к отражению контратаки. Вернувшись на КП роты, я снял гимнастерку и увидел, что ранен в грудь навывлет по касательной. Когда меня перевязывали, я сказал, что когда бежал на передний край, за мной охотился немецкий снайпер, который сидит на дереве. Пулеметчик, который услышал это, выругался и сказал: "Сейчас я его, суку, порежу на куски вместе с деревом", — и дал по этому дереву несколько очередей. К тому времени восстановили связь с КП батальона, и я доложил комбату обстановку. Он одобрил мои действия и спросил, все ли со мной в порядке. Я сказал, что легко ранен, но могу оставаться в роте сколько потребуется, и он попросил меня остаться в роте до темноты. С наступлением темноты на КП роты прибыл комбат с офицерами резерва и восстановил нормальное управление ротой. Когда мы пришли на КП батальона, он приказал военфельдшеру перевязать

зять меня и доложить о характере ранения. После этого мне было приказано утром отправиться в санчасть полка, потому что с моим ранением оставаться в батальоне нельзя. Из санчасти полка, несмотря на мои протесты, меня отправили в медсанбат дивизии, где вылечившись и отоспавшись, я через две недели вернулся в свой батальон.

Интересно, что ни в одной из процитированных мною публикаций нет ни слова о том, что я, будучи раненым, не покинул поле боя. Думаю, что это сделано из воспитательных соображений, чтобы ни у кого не возникло мысли о возможности оставаться на поле боя при ранении даже из хороших побуждений, т. е. о возможности невыполнения приказа.

Мемуар № 12 Второе ранение и личное оружие

Меня назначили комсоргом батальона, и мне как офицеру полагался пистолет ТТ в качестве личного оружия. Это было отличное оружие, но его не было в наличии на складе. Пистолет ТТ отдал мне раненый лейтенант, который отправлялся в санчасть. Я настолько сдружился со своим пистолетом, что не пожалел для его чистки свой индивидуальный медицинский пакет. За это на следующий день я был наказан, т. к. будучи тяжело раненым в ногу, не имел чем перевязать ее и остановить кровотечение. Хорошо, что кто-то из солдат перевязал меня своим пакетом. Комсорг, принимавший у меня дела, предложил мне поменяться оружием, т. к. мой пистолет будет трудно спрятать в госпитале, и его отберут, а у него — маленький трофейный браунинг, который легко спрятать. Я согласился, и мы поменялись оружием.

В медсанбате после операции дежурная медсестра, записывая меня в журнал, радостно закричала, что давно хотела увидеть одессита Мишу, о котором писали во фронтовых газетах. Ее интерес ко мне был, конечно, приятен, но и обременителен, т. к. меня мучила боль в ноге и, самое главное, я стеснялся пользоваться при ней уткой, а выйти из помещения не мог, потому что был неподвижен. Приходилось использовать моменты, когда она отлучалась, и просить кого-то из раненых подать мне посудину. Накануне отправки меня в тыл она пожаловалась, что у нее нет личного оружия, и я отдал ей свой браунинг. Она была очень рада, и в эту ночь буквально не отходила от меня, а я скрежетал зубами от боли в ноге и со злостью думал: "Где ж ты, дура, была, когда я летом с легким ранением бесполезно проспал в медсанбате две недели с короткими перерывами на еду и перевязки?".

Разоружившись, я все же попал в переplet на почве оружия. После перевозки меня по разным эвакогоспиталям я в разгар зимы был перевезен в глубокий тыл в г. Рузаевку в Мордовии. Из вагона меня вынесли на носилках и поставили их со мною на перроне. Медики бегали мимо меня, а я лежал и терпеливо ждал, когда меня повезут в госпиталь. Я чувствовал, что начинаю замерзать, и стал кричать, чтоб меня забрали с мороза, но никто не обращал на меня внимания, и я решил действовать иначе. Я закричал, что если меня сейчас же не унесут с перрона, то перестреляю всех тыловых крыс, и стал имитировать поиск оружия под одеялом. Эффект был ошеломительный: перрон вмиг опустел, и я остался на нем один. Из вокзала мне кричали, что меня унесут сразу же, как только я выброшу оружие. Я кричал, что у меня нет оружия, но мне не верили. Поверили после того как я сбросил с себя одеяло.

В госпитале я чувствовал дискомфорт от необходимости пользоваться уткой и с нетерпением ждал, когда с меня снимут гипс и я смогу ходить в туалет. Наконец-то гипс сняли. Я научился сидеть, стоять, мне выдали костыли и разрешили понемногу ходить по палате. Я рассудил, что несколько ходок по палате это то же, что одна ходка до туалета, и совершил эту ходку. В туалете я грохнулся на пол, потеряв сознание, и меня отнесли в палату. Прибежал разъяренный и перепуганный начальник госпиталя и с обидой сказал мне, что они с большим трудом выходили меня и поставили на ноги, а я из-за своих фокусов чуть не испортил им всю работу. Он приказал забрать у меня костыли и разрешил ходить по палате только под наблюдением медсестры, которая будет приносить мне костыли. Если я нарушу этот порядок, то он посадит меня на цепь как собаку, а того, кто даст мне свои костыли, строго накажет. Из госпиталя я выписался с палкой и с удовольствием выбросил ее, когда смог без нее ходить.

Я надеялся, что больше никогда мне не придется пользоваться костылями или палкой. Увы, в 2002 году я попал в автоаварию и повредил раненную ногу. Опять больница, утка, костыли и палка. Мой внук Никита купил мне шикарную трость с рукояткой в виде собачьей головы. Все уверяли, что с этой тростью я выгляжу очень импозантно, и мне надо ходить с ней, даже если смогу без нее обходиться. Я не послушался этих советов и отказался от трости, как только это стало возможным. Сейчас эта трость стоит у вешалки как напоминание об автоаварии 2002 года и знак внимания заботливого внука.

Мемуар № 13 Почему я не люблю семечки

Немцы упорно сопротивлялись нашему наступлению. Их трудно было выбить с занимаемых рубежей. Но после того как это происходило, они бежали так быстро, что их трудно было догнать. Иногда бредешь под дождем по колону в раскисшем украинском черноземе и про себя думаешь: "Да остановитесь же, гады, дайте немного передохнуть. Повоюем немного — и отступайте себе дальше". Не внемлют, бегут. Ноги постоянно мокрые и очень хочется есть. Высушить портянки нет никакой возможности. Тогда, осенью 1943 года, я приобрел устойчивый насморк, который сопровождает меня всю жизнь.

Тыловые службы отстали, подвоз пищи прекратился, и мы перешли на самоснабжение. Из подножного корма в наличии оказался только созревший не убранный с полей подсолнечник. Стихийно процесс добывания пищи и процесс питания организовались следующим образом. Во время короткого привала солдаты атаковали подсолнухи, лущили из них семечки и набивали ими свои вещмешки. Во время следующего привала солдаты атаковали хаты, сдирали с них крыши и жарили семечки. При этом сухая солома с крыш использовалась в качестве топлива, а листы железа использовались в качестве жаровень. Затем жареными семечками заполнялись вещмешки. Раздача жареных семечек и прием пищи осуществлялся во время движения. Так мы питались несколько суток. Вначале было вкусно, затем не очень вкусно, а потом...

Сейчас я с недоумением смотрю на людей, которые покупают кулечки с жареными семечками и с удовольствием едят их. Неужели это приятно? Сырую погоду я тоже не люблю.

Мемуар № 14 Обмен часами

До войны наличие у советского человека наручных или карманных часов считалось признаком респектабельности, хотя нас постоянно уверяли, что советские люди живут самой счастливой жизнью. Первые часы появились у меня в девятнадцатилетнем возрасте, в 1943 году на фронте. Их подарил мне сержант-однопольчанин. Это были кировские карманные часы солидных размеров, и они меня вполне устраивали, потому что, хотя и с некоторой погрешностью, показывали время. Как-то

их увидел мой бывший старшина и попросил меня обменяться с ним часами. Он показал мне свои трофейные швейцарские карманные часы и объяснил, что они у него всего два дня — и вдруг остановились, а ему без часов никак нельзя. У меня же шире круг общения и больше возможностей найти человека, который их починит. Старшина был из Вознесенска Николаевской области, т. е. почти земляк, а это на фронте много значило. У нас были очень хорошие отношения, и я не мог ему отказать. Да и часы были очень красивые — не чета моей луковице. После того как мы распрощались, я стал любоваться часами, крутить заводную головку, и часы пошли, и шли довольно точно. Оказывается, мой земляк просто не завел их, когда кончился предыдущий завод. При встрече я сказал ему об этом, но он посчитал недостойным для себя обратный размен, хотя я и предложил.

В госпитале все любовались моими часами, но я, не будучи рабом вещей, вдруг влюбился в наручные позолоченные часы, которые принадлежали одному симпатичному выздоравливающему капитану. Я предложил ему обмен, и он согласился при условии, что я доплачу ему 2000 рублей, и обмен состоится в день его выписки из госпиталя. Доплата меня не смущала, т. к. денег у меня было достаточно, поскольку в госпитале я получал свой полный должностной оклад. Второе условие показалось мне странным, но капитан объяснил, что ему тяжело расставаться с любимыми часами, и он хочет продолжить владение ими как можно дольше. Это звучало не очень убедительно, но я согласился, т. к. очень хотелось занять капитанские часы. Обмен состоялся, как было договорено. Буквально на следующий день я обнаружил, что мои новые красивые часы то отстают на 20 мин., то разухабисто спешат на полчаса в сутки. Оказалось также при ближайшем рассмотрении, что позолота во многих местах сползла. Но капитан был уже далеко. Я с нетерпением ждал выписки из госпиталя, чтобы пойти к часовому мастеру и починить часы. Часовщик сказал мне, что мои часы — это так называемый "цилиндр". Ремонту они не подлежали; когда они начинают барахлить, их просто надо выбросить, т. к. на запчасти они тоже не годятся. В общем, облапошил меня капитан, хотя я и знал афоризм Козьмы Пруткина: "Люби ближнего, но не давайся ему в обман".

Мемуар № 15 О ВОИНСКОМ ЗВАНИИ

Я длительное время чувствовал дискомфорт из-за того что пребывал во внештатной ситуации в связи с несоответствием моего воинского звания "сержант" занимаемой офицерской должности. После выписки из госпиталя я состоял на воинском учете по линии первого отделения военкомата как сержант по званию, а пенсию по инвалидности получал по линии третьего отделения как офицер по должности. Из-за привычки к порядку во всем, особенно в документах, я все время пытался привести в соответствие одно с другим, поэтому при каждом вызове в военкомат для периодической проверки военно-учетных документов твердил, что надо прояснить вопрос о моем звании. Со мной соглашались, обещали это сделать, но время шло, а результатов не было. Тогда я сам стал писать в Минобороны СССР, и в 1953 году, т. е. через 8 лет после окончания войны, мне и военкомату сообщили, что приказом командующего войсками 46 армии 3-го Украинского фронта от 8 ноября 1943 г. мне присвоено звание "младший лейтенант". Получается, что этот приказ был подписан через 6 дней после того как я 2 ноября был тяжело ранен и эвакуирован в тыл. Следует отметить, что во фронтовой обстановке это заурядный случай, т. к. в часть нередко приходили приказы о наградах и повышении званий на раненых и убитых. И так, в моих воинских документах все пришло в соответствие, и я больше не чувствовал дискомфорта по этой причине.

Когда мне исполнилось 70 лет, я стал ощущать дискомфорт по другому поводу. Дело в том, что когда человек разменял восьмой десяток лет, а в документах у него значится, что он "младший", то это выглядит комично. И тут меня выручил Президент Украины, который к 50-летию освобождения Украины от немецкой оккупации издал в 1994 г. Указ о награждении всех фронтовиков орденами. На деле оказалось, что Кабинету министров президентский Указ — не указ, и многие фронтовики до сих пор еще не получили этих наград из-за того что Кабинет министров не может изыскать средств для оплаты работ по изготовлению этих орденов в нужном количестве.

К 55-й годовщине освобождения Украины от немецкой оккупации этот печальный опыт был учтен и изыскан беззатратный способ поощрения фронтовиков. Был издан Указ о присвоении офицерам-фронтовикам очередных воинских званий, вплоть до полковника. Из моего воинского звания исчезло слово "младший", и я стал просто лейтенантом.

Но и с этим указом не обошлось без недоразумений. После того как указ был опубликован, пенсионеры Министерства обороны ринулись в военкоматы за прибавкой к пенсии, т. к. военная пенсия исчисляется с учетом доплаты за воинское звание, и чем это звание выше, тем доплата больше. Однако им разъяснили, что повышение звания по этому Указу — только моральное поощрение и финансовых последствий не имеет.

Видимо, руководство страны считает такое положение дел нормальным, т. к. присвоение очередных беззатратных воинских званий фронтовикам к очередной юбилейной дате освобождения Украины от оккупации стало традицией. В 2004 году в связи с 60-й годовщиной освобождения Украины я стал уже старшим лейтенантом. Если все пойдет и дальше в таком темпе, то, чтобы стать полковником, мне надо прожить 100 лет. Это непростая задача, но утешает мысль, что хоть зять у меня — полковник.

Мемуар № 16 Полковник Татарников

В 1944 году после выписки из госпиталя с инвалидностью второй группы я получил письмо с фронта, где были такие слова: "Бати семерки нет. Будешь в Одессе — найдешь его там". Батя — это командир полка, семерка — это последняя цифра номера 1147 стрелкового полка, а слово "нет" означает "убит". В переводе на общепонятный язык это означает, что командир 1147 стрелкового полка убит и похоронен в Одессе. Если бы в письме эта информация была изложена общепонятным языком, то она бы не дошла до меня, т. к. была бы вымарана военной цензурой.

С командиром 1147 полка подполковником Татарниковым у меня связано два воспоминания. Я отчетливо помню, как незадолго до форсирования Днестра он вручал мне орден Отечественной войны второй степени перед строем батальона. Это был первый орден Отечественной войны в нашем полку, и на него, а заодно и на меня прибежали смотреть однополчане. Второй случай произошел на наблюдательном пункте командира полка, где я находился, будучи в должности комсорга полка. В этот момент меня тяжело ранило в ногу осколком снаряда, и я потерял способность передвигаться. Доложили командиру полка. На наблюдательном пункте была очень напряженная тревожная обстановка, но он отвлекся от срочных дел, связался со штабом полка и приказал немедленно эвакуировать меня в индивидуальном порядке. За мной сразу же прислали пароконную бричку и на ней галопом помчали меня в ближний тыл в медсан-

бат дивизии. Там меня немедленно прооперировали и извлекли из колена осколки снаряда и кости. Кто знает, удалось ли бы спасти мою ногу, а может, и жизнь, если бы все не было сделано так быстро благодаря командиру полка. В 1943 году, когда это происходило, ему было около 40 лет, но мы между собой звали его батей. Тут нет ничего удивительного, потому что нам в основном было в районе 20 лет, но в этом обращении подчеркивалась не столько разница в возрасте, сколько уважение к умелому командиру, который добивался боевых успехов с минимальными людскими потерями.

Убит Татарников в должности командира того же 1147 полка в звании полковника недалеко от Тирасполя в боях за освобождение Молдавии и похоронен в Одессе. Когда после войны я вернулся в Одессу, то нашел его могилу на воинском захоронении на Куликовом поле. Потом на этом месте решили построить здание обкома партии, и воинское захоронение перенесли на 2-е Христианское кладбище. Когда я бываю там и подхожу к могиле полковника Татарникова, то в голову приходит мысль: "Хорошо, что воинское захоронение перенесли на кладбище, и больше не возникает необходимость тревожить останки погибших воинов, чтоб использовать занимаемое ими место для более прагматичных целей".

Мемуар № 17 О СВЯЗИ И СВЯЗИСТАХ

В декабре 2004 г. у меня вытащили из кармана мобильный телефон. К чувству огорчения от потери хорошей вещи, к которой я привык, примешивалось еще и чувство стыда: как же я — коренной одессит, выросший в центре блатного мира, на одесской Молдаванке, — допустил, что какой-то "щипач" сделал меня, как заезжего лоха из Жмеринки? О своей потере я в расчете на сочувствие сообщил дочери. Ее реакция, как это часто бывает, оказалась непредсказуемой. "Ура! — закричала она. — Теперь я знаю, что подарить тебе на Новый год!" И подарила новый телефон, намного лучше, чем украденный. Я держу в руках эту маленькую изящную вещицу и думаю: "Как все стало просто". Достаточно, имея деньги, зайти в магазин, и у тебя в кармане средство связи весом в 100 грамм, при помощи которого ты можешь связаться с любой точкой земного шара. Если бы мы во время Отечественной войны обладали подобными средствами связи, то сколько тысяч жизней связистов было бы сохранено, и насколько эффективней было бы руководство боевыми действиями!

Связь командования батальона с командованием полка осуществлялась по полевому телефону, а во время движения — по рации. Рация представляла собой громоздкое и тяжелое изделие, которое обслуживали радист и его помощник. Обязанности помощника были чисто транспортными, он нес на себе рацию, а радист в это время обеспечивал связь. Связь батальона с ротами была по телефону, а связь ротного командира с командирами взводов — через посыльных. Телефонная связь часто повреждалась, и ее приходилось восстанавливать под обстрелом, что приводило к большим потерям среди связистов. Но больше всего потерь было среди посыльных, которые обеспечивали связь между командирами роты и командирами взводов. В их обязанности входило добежать часто по открытой местности и под обстрелом от командного пункта роты до командира взвода, передать приказание, вернуться и доложить о выполнении и обстановке на переднем крае. Не все добегали.

Многие из тех, кто не добегал, остались бы живы, если бы тогда имелись такие средства связи, как сейчас. В то же время возникает мысль, что технический прогресс распространяется не только на средства связи, и что благодаря техническому прогрессу появились и очень эффективные средства уничтожения всего живого и неживого в виде ядерного оружия. Так что, может, и хорошо, что Отечественная война шла в условиях технического уровня 40-х годов прошлого столетия, а то общие потери могли бы быть намного больше. Видимо, правильно, что для истории не существует сослагательного наклонения, и не следует мысленно делать перемонтаж исторической обстановки по своему разумению.

Формула Булаха

Сын Глеба Дмитриевича Булаха передал книгу воспоминаний своего отца — бывшего преподавателя Одесского водного института — Михаилу Михайловичу Жванецкому, бывшему студенту того же Водного. Передал с гордостью, что судьбы этих людей пересеклись.

Так книга эта, изданная в Киеве, "Путь в неизведанное", оказалась в Одессе — городе, где Глеб Дмитриевич прожил без малого тридцать лет.

Так книга эта оказалась не только в редакции, но и у М.Б. Поизнера — тоже бывшего студента Водного, которому тоже выпала удача в конце шестидесятых годов уже прошлого века учиться сопромату у самого Глеба Дмитриевича Булаха.

Как я теперь понимаю, Глеб Дмитриевич являл собой тот, увы, наверное, уже навсегда исчезнувший тип разностороннего инженера не только с широким техническим кругозором, но и впечатляющим общекультурным уровнем. Тем более духовным...

Конечно, прежде всего, он был инженером. Инженером с большой буквы.

Ко времени моего знакомства с Глебом Дмитриевичем возраст его приближался к 70-ти. Так или иначе, этого нельзя не учитывать.

Что запомнил я?

Жил Глеб Дмитриевич одиноко. Это то внутреннее одиночество, которое зачастую скрашивается "нужностью" людям и делу, которому ты служишь. Преподавание было, может быть, единственной возможностью "говорить с людьми" и общаться в среде, где ты "имеешь, что сказать".

Когда каждое твоё слово весомо.

Когда каждый символ в только что написанной на доске формуле ты пропустил "через себя".

Когда с помощью одной интонации можно расставить необходимые ударения и акценты. Акценты на всю жизнь...

Глеб Дмитриевич обладал талантом заинтересовать, увлечь, раскрыть инженерные перспективы. Сфера его инженерных интересов — от теоретической механики и теории упругости до строительной механики, механики грунтов и теории устройства корабля. Многого он пытался поведать нам. Или, как писал наш факультетский поэт: "...И фермы есть, и арки, неразрезные балки и бесконечно жесткая консоль...". И в этом всем он не только глубоко разбирался. Он этим жил.

Глеб Дмитриевич преподавал с легкостью. С легкостью человека, щедро дарящего, может быть, не столько знания, сколько сами принципы и подходы к усвоению и дальнейшему практическому применению знаний.

Он был легким, но не безразличным человеком. Согласитесь, какой все-таки соблазн стать безразличным, "отбывающим номер" преподавателем в условиях, когда